

пресса не требовали в течение войны уничтожения германского единства» [1, с. 314], в Версале «все союзники говорят то же самое» [1, с. 315].

Большая 12-я глава («Результаты мирного договора») посвящена у А. Тардьё политическим и экономическим итогам Версаля и критике Версальского мирного договора. В начале главы А. Тардьё пишет: «Когда 28 июня 1919 г. в Зеркальном зале Версальского дворца представители Германии подписали мирный договор, вся Франция невольно вспомнила день 8 января 1871 г.: контраст разительный, еще более глубокий, чем могли думать современники. Версальский договор вычеркивал не только Франкфуртский договор, но и полтора столетия превратностей и неудач, – полтора столетия, за время которых наша судьба в силу своей парадоксальности сочетала необычайный размах французской мысли со все усиливающимся упадком французской политики: упадком в XVIII веке, когда кусок за куском монархия бестолково растеряла нашу колониальную империю; упадком на пороге XIX века, когда договоры 1815 г., удалив нас с Рейна, водворили там Пруссию; упадком в конце этого века, когда из-за ошибок Второй империи, орудия бисмарковского господства, Бисмарку были отданы Эльзас и Лотарингия. А затем наступили 43 года мира, – мира,» описанного мною в начале этой книги, –мира навязанного, мира тягостного, мира угрожающего, отмеченного в 1911 г. – уступкой части Конго, мира, закончившегося агрессией 1914 г. и шесть недель спустя вторжением улан в Люзарх. Подписав в 1919 г. Версальский договор, Франция искупила 150 лет разочарований и неуверенности в собственной безопасности; это было чудесное возрождение, блестящая удача которого диктовала участникам переговоров закон поведения. Этот закон сводился к двум словам: безопасность и солидарность, причем последняя была условием и гарантией первой. Такова была с января по июнь 1919 г. мирная политика Клемансо. Всякая иная не имела бы завтрашнего дня. Для Франции, восстановленной в ее единстве, тесная дружба с Бельгией, Великобританией и Соединенными штатами в час подписания договора обеспечила такой политике характер постоянства.

В этой же главе А. Тардьё показал основные противоречия между Францией и союзниками в Версале и по пунктам отметил то, чего удалось добиться Парижу по «германскому вопросу» в ходе мирной конференции.

Главу 13-ю, заключительную, А. Тардьё назвал «На завтра после мира», в которой с сожалением отметил многочисленные случаи искажений и ревизий Версальского мирного договора. Он обращается со страстным призывом к руководителям английской политики, заявляя им: «Франция нуждается в Англии, но Англия нуждается во Франции. Она нуждается в ней ради своей безопасности. Если когда-нибудь агрессия восстановившей свою мощь Германии создаст для Франции и Бельгии новую угрозу на Востоке, в этот день одновременно и та тех же основаниях угроза возникнет и для Великобритании. Без Бельгии и без Франции у Великобритании нет на континенте поля сражения, где она могла бы развернуть свои силы и защищать свои берега. Когда дорога на Париж открыта для нападения, в опасности Кале и Дувр» [1, с. 398–399].

Этим строкам нельзя отказать в политической прозорливости.

1. Тардьё, А. Мир / А. Тардьё ; под ред. и вступ. статья Б. Е. Штейна. – М. : ОГИЗ. Госполитиздат, 1943. – 432 с.

Гордиенко А.Б.

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЙ РОМАН ЭРИКА БРЕДТА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Интерпретация революционных событий Февраля и Октября 1917 г., протекавших на фоне масштабного социально-политического и экономического кризиса, приведшего к Гражданской войне, является дискуссионным вопросом в современной российской историографии. Многие свидетельства революционной эпохи противоречивы и субъективны. В этой связи небезынтересно проанализировать менее ангажированные группы исторических источников: официальные документы, воспоминания современников, не связанных ни с одной из политических сил, участвовавших в событиях Революции и Гражданской войны в России.

Важным источником в изучении этих событий на территории Ставропольской губернии являются произведения немецкого пленного Первой мировой войны Эрика Бредта, пребывавшего в России в 1915–1919 гг.

Эрик Бредт родился в Лейпциге в 1890 г., окончил школу и театральное училище, работал в театре. В 1914 г. его призвали в армию. В феврале 1915 г. Эрик попал в плен русской армии и оказался сначала в лагере для военнопленных в Поволжье, а позже – в Ставропольской губернии. Он жил в селе Среднегорлыкском, трудился в нескольких крестьянских семьях, затем скитался по Ставрополю и Кубани.

Лишь зимой 1919 г. Э. Бредт вернулся в Лейпциг. Воспоминания о России он изложил в романе «Пахарь поневоле», две части которого были опубликованы в 1926–1927 гг. [9]. В 1932 г. Бредт переехал в Гамбург, писал сценарии и пьесы, озвучивал аудиоспектакли, играл в телефильмах [6, с. 3–4]. Он часто

возвращался к воспоминаниям молодости, рассказывая родным о пережитых на Ставрополье испытаниях. Начал работу над рукописью романа «Настя. История моей жизни, любви и невзгод в Лежанке». В отличие от «Пахаря поневоле», новый опус получился более автобиографичным. Повествование здесь идет от первого лица, что сближает роман Бредта с мемуарной литературой.

В 1965 г. Эрик Бредт скончался. Рукопись его романа хранилась у родственников [6, с. 5]. В 2013 г. рукопись Бредта «Настя. Моя жизнь, любовь и невзгоды на Ставрополье», стараниями его дочери, была опубликована на русском языке [3, с. 422]. В 2015 г. увидело свет дополненное издание [1]. Автор данной статьи в своем анализе опирается на публикацию 2015 г.

Эрик Бредт оказался в плену в ходе крупного сражения Первой мировой войны: 2-й Августовской операции [7, с. 20]. Бредта отправили в лагерь для военнопленных, расположенный в городе Мамадыш Казанской губернии [1, с. 10–11]. Оттуда его послали на сельскохозяйственные работы в Ставропольскую губернию.

Аграрный регион в ходе войны столкнулся с нехваткой рабочих рук. В мае 1915 г. на Ставрополье прибыли первые группы военнопленных. Их привлекали к строительству Армавир-Туапсинской железной дороги, задействовали в аграрной сфере [4, с. 134]. В одной из таких групп впоследствии оказался Э. Бредт. Его отправили в с. Среднегорлыкское Медвеженского уезда Ставропольской губернии, в народе называемое Лежанкой.

После работы в нескольких крестьянских семьях, зимой 1916–1917 гг., Бредта передали новому хозяину. «Теперь я буду служить у богатого земле- и скотовладельца Кондратия Артемовича Дорохова», – пишет автор [1, с. 65].

И хотя оба сына Кондратия Артемовича воевали на фронте, отношение Дороховых к пленным немцам нельзя назвать враждебным. Бредт трудился бок о бок с домочадцами, ему разрешали общаться с другими военнопленными. В атмосфере относительной свободы и интереса, а также близких контактов Бредта с представителями семьи Дороховых, зарождаются чувства автора к одной из невесток хозяина дома – Насте. Эти чувства формируют основную линию повествования романа [2, с. 17]. Не удивительно, что в 1-й части произведения сделан акцент на личных взаимоотношениях Бредта с Настей и ее родственниками.

Утверждение органов власти Временного правительства на Ставрополье в ходе Февральской революции 1917 г. произошло мирным путем, оно не сопровождалось серьезным социально-политическим противостоянием [8, с. 85]. Следствием революционных событий Февраля 1917 г. Бредт называет возрождение у пленных надежды на скорое освобождение: «Всех разбудила и протрезвила Петербургская революция. Нас сразу же охватила... лихорадка возвращения домой» [1, с. 84]. Уже летом 1917 г. Ставропольская губерния столкнулась с массовым отказом военнопленных от выполнения работ, участились случаи их побегов [5, с. 131].

Октябрьское вооруженное восстание, приведшее к утверждению власти Советов, завершило развал Кавказского фронта. Южные губернии наводнили покинувшие фронт военные части. В ноябре 1917 г. на территорию Ставрополья прибывают военнослужащие 39-й пехотной дивизии. В Лежанке и соседних селах разместились солдаты и офицеры 154-го Дербентского пехотного полка и 39-й артиллерийской бригады.

Бредт ничего не упоминает о событиях Октября, но повышение социальной напряженности в обществе он заметил: «Говорили, что офицерам в ближайшее время дадут понять, что они должны снять аксельбанты и знаки отличия... Офицеры виноваты в войне и царь, ... а также богатые кулаки», – пишет автор [1, с. 117]. Лежанку захлестнула митинговая активность. Бредт подчеркивает, что ядром этих собраний являлись фронтовики, а симпатизировали они большевикам [1, с. 118–119].

Между тем, на Юге России нарастала социальная конфронтация. Она привела к упразднению структур Временного правительства в Ставропольской губернии и утверждению новой власти. На Общегубернском народном собрании в Ставрополе 1 (14) января 1918 г. была провозглашена Ставропольская советская республика, избран Совет народных комиссаров.

В соседней со Ставропольем Донской области начинает формироваться белое движение. Дон стал прибежищем для офицеров царской армии, представителей интеллигенции, духовенства и казачества, политических деятелей, не согласных с революционными преобразованиями и их социальными последствиями. Именно они составили костяк Добровольческой армии, части которой в конце января 1918 г. заняли Ростов-на-Дону. Однако к началу весны добровольцы вынуждены были отступить из города, теснимые красноармейскими подразделениями Р.Ф. Сиверса, Ю.В. Саблина, Г.К. Петрова и А.И. Автономова.

Командование Добровольческой армии в лице Л.Г. Корнилова, А.И. Деникина, М.В. Алексева приняло решение о походе на Кубань с целью взятия Екатеринодара. Этот поход получил название «Первого Кубанского» или «Ледового». В ходе него, части Добровольческой армии оказались на территории

Ставропольской губернии. 21 февраля (6 марта) 1918 г. белые приблизились к селу Лежанка, обороняемому местными крестьянами и солдатами, сочувствующими большевикам [3, с. 426, 429].

После ожесточенного боя село было взято частями Добровольческой армии. Разозленные упорным сопротивлением, добровольцы совершили ряд массовых казней защитников Лежанки и мирных жителей [3, с. 436–438]. Пробыв в селе два дня и пополнив продовольственные запасы, белые двинулись в Кубанскую область.

Бой за Лежанку сказался на судьбе находившихся в селе военнопленных. Некоторые из них были убиты белогвардейцами [1, с. 158–159], другие, как Бредт, угнаны с обозом добровольцев [1, с. 178, 185]. И хотя Эрик, оказавшись на территории Кубанской области, убегает от белых и возвращается в Лежанку [1, с. 200, 221], водоворот событий Гражданской войны уносит его от Насти.

Вторая часть романа посвящена странствиям Бредта по Ставрополю. Он оказывается сначала в селе Медвежье [1, с. 228], затем в центре губернии – Ставрополе-на-Кавказе [1, с. 245–246]. Здесь Бредт стал свидетелем упорных боев за город летом-осенью 1918 г. между красными и белыми [1, с. 361, с. 399–400], репрессивной политики представителей обеих лагерей по отношению друг к другу и мирному населению [1, с. 311–312, 322–333]; попал в тюрьму, освободился из нее [1, с. 285, 314], а затем реализовал свою мечту вернуться на Родину. Но перед тем, как попасть в Германию, он вернулся в Лежанку, чтобы попрощаться с Настей [1, с. 413–418].

Роман Эрика Бредта – ценный исторический источник, позволяющий оценить трансформацию социальных отношений на Юге России в 1917–1918 гг. Он фиксирует состояние сельского и городского общества Ставрополя в период нарастания конфронтации, революционных преобразований. Автор не становится ни на одну из сторон в конфликте, выступая в качестве стороннего наблюдателя. Тренированная память и наблюдательность актера позволяют Бредту быть удивительно точным в деталях. Перед глазами читателей проходит галерея исторических персонажей. Бредт описывает вождей белого движения – Л.Г. Корнилова и М.В. Алексеева [1, с. 191–192], матросов из отряда Д. Якшина [1, с. 237], ветерана Кавказской войны генерал-майора П.А. Мачканина [1, с. 278], казненного красноармейцами, упоминает основателя Ставропольского музея наглядных пособий Г.К. Пправе [1, с. 255]. При этом, статус военнопленного и языковой барьер не позволили автору до конца разобраться в реалиях социально-политической жизни революционной России.

1. Бредт, Э. Моя жизнь, любовь и невзгоды на Ставрополье. Воспоминания немецкого актера-военнопленного. 1916–1918 гг. / Э. Бредт. – М., 2015. – 448 с.
2. Булыгина, Т. А. Историческая память и источники личного происхождения: воспоминания немецкого актера о российском плене Первой мировой войны / Т. А. Булыгина // История и историческая память. – 2014. – № 10. – С. 9–18.
3. Ватулин, Н. Ф. Революционные события. Бой за село (глава из книги «Человек и малая родина») / Н. Ф. Ватулин // Бредт Э. Указ. соч. – С. 420–443.
4. Крючков, И. В. Военнопленные стран Тройственного союза в Ставропольской губернии / И. В. Крючков // Новая локальная история. – Ставрополь ; М., 2006. – С. 130–141.
5. Крючков, И. В. Военнопленные стран Четверного союза на территории Ставропольской губернии в условиях политического катаклизма (февраль–ноябрь 1917 г.) / И. В. Крючков // Исторический вестник. – М., 2018. – Т. 23. – С. 122–139.
6. Моос-Бредт, Э. К. Предисловие / Э. К. Моос-Бредт // Бредт Э. Указ. соч.
7. Парфенов, О. В. Лежанке помнят Гришу и Настю / О. В. Парфенов // Открытая газета от 24 июня – 1 июля 2015. – № 24 (667). – С. 20–21.
8. Филатова, Ж. В. Трансформация системы органов местного управления и самоуправления в Ставропольской губернии и Терской области в марте-апреле 1917 г.: динамика и особенности преобразовательных процессов / Ж. В. Филатова // Научные проблемы гуманитарных исследований. – Пятигорск, 2009. – № 15. – С. 78–86.
9. Brädt, E. Der Pflüger im Leid : Roman. – Leipzig und Hartenstein, 1926 ; Brädt, E. Der Pflüger im Leid : Roman. – Leipzig und Hartenstein, 1927.